

*События, изложенные в повести,
и действующие в ней персонажи
вымышлены. Совпадения, которые
могут произойти, — случайны.*

В кабинете за овальным столом расположились двое. Первый, лет под шестьдесят пять, одетый строго и очень дорого, сидел в глубоком кресле во главе стола. Его тонкие пальцы были сплетены в замок. И как только он поднимал глаза, каждый, увидевший этот взгляд, мог бы прочесть в нем единственное желание — властвовать. Это был генеральный директор корпорации «Росметаллэкспорт» Вяльцев Иван Петрович.

Второй, сидевший слева за приставным столом, высок и ладно скроен. Ему лет пятьдесят, а может, чуточку больше. И хотя он был тоже далеко не молод, ни отвислого живота, ни обрюзгших щек, как у первого, у него не было. Пересекавший левую щеку глубокий старый шрам и густая седина в коротко стриженных волосах говорили, что годы, оставшиеся за его спиной, вряд ли были спокойными. Это был руководитель службы безопасности корпорации «Росметаллэкспорт» Лисов Николай Иванович.

Вяльцев внимательно рассматривал лежащие перед ним две фотографии. На одной изображен юный капитан Советской Армии. Парадный китель, красиво облегавший его спортивный торс, был украшен орденом Красной Звезды и тремя медалями. Эмбле-

мы десантника указывали на принадлежность офицера к элитному подразделению — спецназу. На другой, с пометкой на обороте, что это фотокопия с въездного дела гражданина Франции Николя де Лу, изображен мужчина, которому можно было дать лет сорок пять. Четко разделенные косым пробором тщательно зачесанные редкие с обильной сединой на висках волосы, суровое лицо, пересекавшие лоб две глубокие морщины, перебитый нос и изуродованный небольшим, но глубоким шрамом подбородок могли принадлежать кому угодно, но никак не бизнесмену, коим значился в анкете этот человек. Но тем не менее он действительно был бизнесменом, представляющим одну из крупнейших фармацевтических фирм Франции. В прошлом, 2004 году он уже был в России и заключил ряд взаимовыгодных соглашений с двумя довольно известными отечественными фирмами. Об этом довольно подробно говорилось в справке, которая лежала тут же, в папочке.

Вяльцев вдруг резко отбросил одну из фотографий в сторону.

Ему показалось, что изображенный на ней молодой спецназовец вдруг подмигнул ему и зловеще улыбнулся. Он опасливо покосился на фотографию, платком промокнул выступивший на лысине пот и, переведя настороженный взгляд на собеседника, очень тихо, четко разделяя каждое слово, спросил:

— Ты уверен, Коля, что это один и тот же человек? Лично я не нахожу ничего общего.

— Обижаете, Иван Петрович, — криво улыбнувшись, Лисов придвинулся ближе к столу. — Вы же читали заключение специалистов Института судебно-медицинской экспертизы. Эта «фирма» никогда

не ошибается. Это один и тот же человек. Вы же знаете, я никогда не докладываю вам не перепроверенную информацию. Простите, Иван Петрович, забыл. — Лисов достал из внутреннего кармана пиджака компьютерный диск и протянул Вяльцеву. — Здесь все доказательства, что я прав. Его мне дали в институте. Можете сейчас и проверить — кивнул он на лежащий на столе ноутбук.

Вяльцев неопределенно пожал плечами, взял диск и, отложив его в сторону, снова бросил опасливый взгляд на злополучную фотографию. Он знал, что Лисов, который с ним сотрудничает вот уже более двадцати лет, никогда его не подводил. Да, проколы были. Но от них в этом мире никто не застрахован.

Тяжело поднявшись из-за стола, он медленно подошел к окну. Далеко внизу, словно букашки, мельтешили люди, автомобили.

«Все куда-то спешат, спешат», — с какой-то безразличной усталостью подумал он и неожиданно поймал себя на том, что это уже с ним когда-то все происходило. Правда, тогда было другое время года, и сидевший сейчас за столом седовласый мужчина был на целых двадцать лет моложе...

1985 год... Год разгара войны в Афганистане... Тогда этот год, как и все предыдущие и наступавшие после него, существенных изменений в политику СССР по Афганистану не принес.

Конечно, тенденции к этому были. Но, к сожалению, не в пользу Кабула и стоявшей за ним Москвы... Это четко просматривалось в усилении сопротивления суннитов — пуштунских племен по всей афгано-пакистанской границе, издревле не призна-

вавших над собой ничьей власти. С запада шли отряды непримиримых фанатиков — шиитов. Активизировал свою антиафганскую деятельность проамерикански настроенный Пакистан. По сути своей, все страны Запада и ряд восточных стран направляли своих инструкторов для подготовки моджахедов. Из США, Израиля, Франции, Англии, Германии и Китая шла мощная поддержка афганской оппозиции оружием, медикаментами, продовольствием. Десятки миллионов долларов поступают на счета лидеров афганской оппозиции для закупки новейшего оружия и боеприпасов. Из Афганистана в Пакистан и ряд других сопредельных им стран идут караваны с наркотиком, полудрагоценным камнем — лазуритом и другими ценностями.

Война все более и более принимала характер затяжной и партизанской. Росли не только людские потери воюющих сторон. Она несла еще и нравственное перерождение воюющим странам. У людей, имеющих прямое отношение к боевым действиям, появляется хладнокровное равнодушие к чужой боли, чужому горю. Поколение, которое впихнули в войну, начало перерождаться в обыкновенных хладнокровных убийц...

Но те, от кого зависело прекращение этой бойни, хотели, чтобы все выглядело актом доброй воли, а не обычным поражением. И на принятие решения о прекращении войны ушли еще четыре кровопролитных года...

Март 1985 года выдался слякотным. Мокрый снег шел не переставая уже несколько дней.

Ответственный сотрудник административного отдела ЦК КПСС Вяльцев Иван Петрович молча

разглядывал в окно лежащую внизу Старую площадь.

В недалеком прошлом этот круглый, словно колобок, постоянно вытирающий платком покрасневший от простуды нос сорокапятилетний мужчина работал руководителем административного отдела обкома КПСС одной из автономных республик. Но случилось так, что его хозяина, то есть первого секретаря обкома, неожиданно перевели на работу в ЦК, где он замолвил словечко и за своего верного помощника.

Вот так Вяльцев Иван Петрович и стал руководителем одного из секторов административного отдела ЦК, отвечающего за внешне безобидные операции, проводимые в ряде зарубежных стран и, конечно же, в интересах Партии. Правда, вскоре он убедился в обратном. Но как человек умный, осторожный и дальновидный, который не привык совать свой нос куда не следует, предпочел четко, не задавая лишних вопросов, выполнять все даваемые ему поручения. И требовать такого же точного исполнения задания от своих подчиненных.

Вяльцев не понаслышке знал, как умирают от сердечной недостаточности, несчастных случаев, а порой и суицида в чем-то усомнившиеся или не умеющие держать язык за зубами отдельные недалевидные сотрудники. Он понял, что из обоймы, в которую попал, просто так не выбираются, а потому, не раздумывая, принял существующие правила игры...

Бросив еще раз взгляд на площадь, Вяльцев опустил придерживаемую рукой штору и вернулся к столу. Напротив, углубившись в изучение лежащих перед ним документов, располагался молодой, высо-

кого роста и крепкого телосложения, человек, на вид которому можно было дать лет тридцать пять.

Проведя рукой по ежику русых волос, он дотронулся до левой щеки, которую пересекал довольно свежий шрам, и медленно поднял взгляд на Вяльцева.

Поймав взгляд, Вяльцев улыбнулся. Ему нравился этот умный, схватывающий все на лету, немногословный и исполнительный человек.

Познакомились они два года назад, когда Вяльцев только начинал формировать свою специальную команду. Находился он тогда в этом же кабинете, когда, предварительно постучав в двери, перед ним появился этот человек.

— Майор Лисов прибыл в ваше распоряжение, — коротко доложил тот и замер по стойке «смирно» у самой двери.

Вот так бывший сотрудник спецподразделения ПГУ КГБ СССР (разведка и внешняя контрразведка), прошедший Кубу и Никарагуа, а в последнее время выполнявший специальные задания в Афганистане, стал заместителем командира группы специального назначения при административном отделе ЦК КПСС, с полномочиями, о которых другие специальные подразделения могли только мечтать. И мало тогда кто знал, что административный отдел ЦК КПСС имеет свои собственные подразделения, сформированные из лучших бойцов спецназа КГБ и ГРУ. Но они действительно были...

— Ну что, Коля, нашел? — Вяльцев устало опустился в кресло и нажал кнопку на пульте.

— Да, Иван Петрович, нашел, — Лисов машинально провел рукой по шраму и легонько хлопнул

ею по отложенным в сторонку трем папочкам, которые были личными делами офицеров спецназа ГРУ.

— Побаливает? — участливо спросил Вяльцев, имея в виду щеку, к которой только что притронулся Лисов.

— Да нет, — виновато улыбнулся тот, — это я скорее по привычке.

— А-а, ну-ну, — неопределенно протянул Вяльцев и, посмотрев в сторону двери, в которой неслышно появилась миниатюрная секретарша, улыбнулся: — Леночка, лапушка. Пожалуйста, два кофе... И покрепче.

Секретарша принесла кофе и неслышно удалилась.

— Что-что, а кофе Леночка готовить умеет. — Вяльцев отпил глоток и лукаво посмотрел на своего протеже. — Не находишь?

Он давно заметил, что Леночка равнодушна к этому мужественному холостому красавцу... Но безответно.

Вяльцев стал уже думать, что Лисов либо импотент, либо нетрадиционной ориентации. Но проверка показала — ни то и ни другое.

Старый холостяк подружился со своей соседкой по площадке, бездетной вдовой офицера-афганца, которая была старше его лет на десять.

— Ну что же. Может, по теперешней его жизни это и хорошо, — философски подумал тогда Вяльцев, — никем и нечем себя не обременять...

Но из поля зрения эту пару уже не терял. По ней периодически «работали» сотрудники службы внутренней безопасности.

— Ну а теперь перейдем к делу, — Вяльцев кивнул на отложенные в сторону Лисовым папки, когда

с кофе было закончено и Леночка унесла пустые чашки.

— Назови, Коля, кого ты выбрал. Интересно, совпадут ли твои кандидатуры с теми, кого наметил я?

Вчера он допоздна изучал дела десяти офицеров-спецназовцев ГРУ, в отношении которых уже почти месяц велось интенсивное изучение и проверка. Остановился он на трех кандидатурах.

— Майор Юрченко, капитаны Волков и Зеленкин, — перекладывая перед собой дела, назвал фамилии Лисов и выжидающе посмотрел на шефа. — Это давно сработанная, боевая команда, — после некоторого молчания продолжил он. — Все они вместе начинали в Афгане, в 80-м. Группа тогда вела розыск и уничтожение действующих на стороне моджахедов наших перебежчиков. Все пока холостяки... Командиром у них был, тогда еще капитан, Юрченко. Юрченко сейчас...

— Знаю, знаю, — махнул рукой Вяльцев и, посмотрев на Лисова, довольно улыбнулся: — Вот видишь, Коля, мы и мыслим уже почти одинаково. Именно на этих кандидатурах я остановился вчера вечером... А Юрченко... Он уже в Москве. Сегодня прилетел из Манагуа. Не забыл еще этот город?

Лисов пожал плечами. Уже два года, как он вернулся из Никарагуа, где был инструктором в одном из элитных подразделений спецназа. Это подразделение тогда дислоцировалось в Манагуа — столице этой небольшой латиноамериканской страны. С Юрченко его пути там не пересекались.

— С ним сейчас беседует начальник отдела ГРУ генерал Фролов. Ты знаешь его. Он часто бывает у нас. Ну, все. — Вяльцев снял очки, протер их и спря-

тал в футляр. — Можно считать, что подбор кадров мы закончили. А ты внимательно изучи еще раз план операции, четко проработай карту, познакомься со своими будущими коллегами... Нет, нет, не с этими, — он усмехнулся, поймав брошенный Лисовым взгляд на личные дела спецназовцев. — А с теми, с которыми непосредственно будешь работать в Афганистане. Ты знаешь, они за городом, в домике лесника. Вот и выезжай к ним, и ждите команды. А с этими, — Вяльцев кивнул на дела, — познакомишься в ходе операции.

Майор Юрченко, офицер спецгруппы ГРУ, занимающейся подготовкой и обучением подразделений командос в Никарагуа, вышел из метро «Библиотека имени В.И. Ленина», зябко поежился и, обойдя здание слева, направился коротким, только ему известным путем к особняку Генерального штаба. Он находился в отпуске и уже хотел выехать в Питер, к своей невесте, но его нашли в гостинице и настоятельно попросили приехать на встречу к генералу Фролову.

За два года, что Юрченко не был в столице, он уже успел отвыкнуть от «прелестей» родной матушки-природы. Хотя, если говорить честно, то отвык давно. Как-никак перед этой командировкой ни много ни мало, а два с половиной года был в Афгане. А климат там тоже не такой, как в России... Еще позавчера его в аэропорту Манагуа провожал солнечный день. Плюс двадцать пять. А тут... Тут сплошной стеной мокрый снег. Под ногами хлюпает и разъезжается море грязи. А снег все падает и падает и сразу превращается в это мерзкое месиво.

— Да... Отвык ты, майор, от прелестей родной

матушки-природы, — чертыхнулся Юрченко, едва не поскользнувшись на выступе камня, и, подняв воротник серого, по погоде, плаща, пошагал вдоль здания.

Миновав бюро пропусков, повернул за угол и сразу оказался у до боли знакомого парадного подъезда. В этой торцевой части здания, размещались службы 10-го Главного управления Генштаба, занимающегося подготовкой и отправкой военнослужащих, а иногда и членов их семей, в заграникомандировки.

Миновал сверкающие белизной колонны, толкнул обитую снизу отполированными медными пластинами огромную дверь и оказался перед контролером в форме прапорщика. Предъявив пропуск, прошел через «вертушку» и медленно стал подниматься по широкому лестничному маршу.

Каждый раз, когда он появлялся в «десятке», он никогда не пользовался лифтом. Ему нравилось подниматься на нужный этаж этим лестничным маршем, наверняка помнившим еще и маршала Шапошникова, и легендарного Жукова, и тех красных командиров, которые убывали в те далекие тридцатые годы в Испанию.

Поднявшись на нужный, второй этаж, он прошел по коридору и остановился у знакомых, обитых потертым коричневым дерматином дверей.

Постучавшись, вошел.

Из-за стола навстречу поднялся невысокий, лет под шестьдесят, седовласый мужчина. Неброский, серого цвета, костюм аккуратно облегал его сухощавую фигуру.

— Ну, здравствуй, Олег, здравствуй, — протянул

он к вошедшему руки и, полюбнвя его за плечи, подвел к окну.

— Дай-ка, сынку, я на тебя гляну. Ничего, ничего... Смотришься неплохо, — генерал по-отечески похлопал Юрченко по плечу и грустно, как показалась тому, улыбнулся: — Снимай плащ, Олег, и присаживайся.

Еще вчера, когда Юрченко появился здесь, в «десятке», он почувствовал беспокойство. Получая у строевиков документы, у финансистов деньги и проездные документы, он постоянно чувствовал неясную тревогу. И предчувствие не обмануло. Утром его нашли в гостинице, и вот он уже здесь, в кабинете генерала Фролова, где осуществляются неофициальные встречи сотрудников ГРУ со своим начальством.

Кто прошел работу в спецслужбах КГБ или ГРУ, кто испытал азарт во время зарубежных командировок, успехи, разочарование, а порой и предательство тех, кому верил, как себе, — тот, не замечая сам того, ожесточался и становился меланхоликом, отъявленным циником и недоверчивым человеком, готовым уже к любым ситуациям — в том числе неприятным.

Вот и сейчас, оказавшись один на один со своим начальством, Юрченко не мучил себя догадками, для чего его вызвали, потому что уже был уверен, что встреча эта ничего хорошего ему не сулит.

Юрченко аккуратно повесил плащ на старинную, стоявшую у дверей рогатую вешалку, не спеша подошел к столу, сел на потертый стул и безразличным взглядом прошелся по кабинету.

За два года, что он не был здесь, ничего не изменилось. Тот же массивный затянутый выцветшим зеленым сукном стол, те же тяжелые, затертые задами

многих поколений стулья, ореховый, будто съезжившийся от старости книжный шкаф с трудами классиков марксизма-ленинизма и, конечно же, неизменный, поблекший от времени и строго смотревший со стены портрет вождя мирового пролетариата. А в углу, как и прежде, мирно гудел тот же самый холодильник «ЗИЛ».

Поймав на себе виноватый взгляд генерала, который топтался у стола и явно намеревался что-то ему сказать, Юрченко понял: предчувствие его не обмануло.

«Отпуск накрылся...» — с горечью подумал он, чувствуя какую-то непонятную веселость. Видя, что генерал никак не может начать разговор, он решил сам прийти тому на помощь.

— Игорь Павлович, — широкая улыбка осветила лицо Юрченко, — ну не тяните кота за хвост. Чего уж там... Так и скажите, что новое задание... Я прав?

— Да, Олег, — словно сбросив с себя непосильный груз, генерал облегченно вздохнул и плюхнулся в свое кресло. — На этот раз тебя забирает в свое распоряжение административный отдел ЦК. Знаю, что задание связано с Афганистаном, а больше, поверь, мне ничего не известно... У них там своя епархия, в которую нам, простым смертным, вход заказан. Они запросили у нас десять личных дел лучших офицеров спецназа. Кадры им выдали... Вот и все, что мне известно.

— По-о-нятно, — протянул ничего не понявший пока Юрченко.

— Да ни хрена тебе, Олег, не понятно, как не понятно и мне, генералу, — в сердцах выругался Фролов и, поднявшись из кресла, подошел к холодильнику. Достал бутылку «Боржоми», взял из буфета два

стакана и поставил их на стол перед Юрченко. — Наливай себе и мне!

А пока тот открывал бутылку и разливал содержимое по стаканам, как бы мимоходом заметил:

— Завтра в 11.00 ты должен быть на Старой площади.... Пропуск там тебе заказан. Да ты пей, пей, — генерал кивнул на запотевшую бутылку. — Мог бы предложить что и покрепче, да боюсь обвинения, что спаиваю своих подчиненных. Отложим до лучших времен...

Юрченко одним махом выпил минералку, поставил пустой стакан на стол, и словно про себя, тихо проговорил:

— Старая площадь, Старая площадь... Но ведь в ЦК пропуском является партбилет, а он у меня на хранении, — Юрченко вопросительно посмотрел на генерала.

— Знаю, знаю, — генерал махнул рукой, — не беспокойся, там знают, и претензий, что предъявишь контролеру свой заграничный паспорт, к тебе не будет.

Пауза, которая вдруг возникла, была короткой.

— Мне многое хотелось бы тебе сказать, Олег... Но не смею больше задерживать. — Голос генерала неожиданно дрогнул, и он отвернулся. Когда повернулся, на его устах уже была улыбка: — В гостинице тебя ждет сюрприз...

— Какой, Игорь Павлович? — поднялся со стула несколько растерявшийся Юрченко.

— Хороший, Олег, хороший! — генерал по-дружески похлопал рукой по плечу своего, теперь уже бывшего ученика. — И еще один приятный для тебя сюрприз. — Генерал взял руку Юрченко в свою и

крепко сжал. — Поздравляю тебя с присвоением внеочередного воинского звания, подполковник!

— Товарищ генерал, да я... Спасибо! Служу Советскому Союзу! — крикнул растерявшийся Юрченко.

— Беги, беги в гостиницу, там тебя уже ждут... Не расстраивай старика. Вернешься, тогда и отметим... — Генерал суетливо помог Юрченко надеть плащ, проводил до дверей, постоял какое-то мгновение, уставясь на них. Затем подошел к буфету, достал початую бутылку коньяка, налил полстакана и одним махом выпил. Вернулся в кресло, откинулся и прикрыл глаза.

В глубине души он искренне желал, чтобы в ЦК его лучшего ученика забраковали. Кто-кто, а генерал Фролов хорошо знал, для каких целей ЦК отбирает в ГРУ лучших бойцов спецназа. Наверняка спланирована какая-то грязная операция...

— Оляка?! — только и успел воскликнуть Олег, как невысокая красивая брюнетка повисла у него на шее.

«Ай да Игорь Павлович!» — с нежностью целуя свою невесту, Юрченко с благодарностью вспомнил слова генерала, говорившего о каком-то сюрпризе.

«А как же ее оформили в мой номер, она же еще не жена?» — промелькнула запоздалая мысль.

Он совсем забыл, что гостиница ведомственная, а начальство его вполне свободно может позволить себе это, совсем «незначительное», нарушение правил.

За два года, что прошли после их последней встречи, он уже начал забывать милый запах Ольги, ее красивое смуглое лицо, высокую грудь и тонкую гибкую талию.

— Боже мой, — бормотал он, целуя заплаканное и светящееся радостью лицо молодой женщины, — знала бы ты, как я ждал этой встречи!

— А я, милый! Как я ждала... Как ждала моя мама... Объясни мне, дорогой, что происходит? — девушка с тревогой смотрела на Олега. — Объясни, почему меня вызвали в Москву, а не приехал ты, как обещал?

— Потом. Все потом, родная моя. — Олег с нежностью целовал податливые губы молодой женщины, ее мокрые от слез глаза. — Все... Завтра утром идем в ЗАГС.

— Подожди, Олег, — слегка отстранилась Ольга, — ты объяснишь, в конце концов, что происходит? А как моя мама, как твои родители? Скажи, ты снова уезжаешь?

— Это ненадолго, родная. Мне сказали, максимум недели на две... — бормотал Олег, нежно проводя руками по волосам Ольги.

...Он сидел у изголовья и, нагнувшись над лицом Ольги, осторожно целовал ее припухшие губы. С разметавшимися по подушке волосами она казалась прекрасной феей...

Вечером у них состоялся довольно неприятный для Олега разговор. Ольга сидела в кресле у столика и нервно затягивалась сигаретой.

— Олег, мне кажется, что между нами стоит какая-то преграда, которая то прячется, то снова появляется. По-моему, тебе нужно сделать выбор...

— Или я, или твоя карьера... Ты это хотела сказать? — Олег сидел напротив и устало смотрел, как дрожит рука Ольги, подносящая ко рту сигарету. — Я понимаю тебя, — тихо проговорил он.

— Ничего ты не понимаешь! — резко ответила

Ольга и с силой вдавила сигарету в пепельницу. — Ты не можешь понимать, как ждать молодой женщине любимого человека... Мне страшно все надоело! — Она откинулась в кресле и закрыла глаза.

— Оля, Оленька, ну что ты такое говоришь? Я понимаю тебя... Но пойми и ты меня... Это же ненадолго...

Юрченко смотрел на нее и не узнавал. Колючие глаза горели сухим обжигающим блеском. Он подошел и опустился перед ней на колени. Уткнувшись головой в мягкое теплое бедро, Юрченко бормотал что-то бессвязное, моля о терпении.

Ольга рассеянно гладила руками его волосы, затем медленно приподняла голову Юрченко, ласково прикоснулась губами ко лбу и очень тихо сказала:

— Прости, милый. Я не должна была так поступать... Прости, это просто истерика. Не переживай. Все будет хорошо, — улыбнулась она сквозь слезы и прижала его голову к своей груди. — Я буду тебя ждать... А в ЗАГС пойдем, как только вернешься...

На следующий день в 10.30 он уже стоял в холле здания ЦК. Контролер в форме капитана милиции, сверив фотографию на загранпаспорте с оригиналом, сделал в журнале отметку, вернул паспорт с уже вложенным в него пропуском, открыл стопор на «вертушке» и молча отдал честь.

Лифт открылся бесшумно. Из него, едва не столкнувшись с Олегом, вышел высокого роста и примерно такого же возраста, как он, мужчина. Придерживая рукой приподнятый воротник демисезонного пальто, откуда мелькнул пересекавший левую щеку розоватый шрам, он, скользнув безразлич-

ным взглядом по Юрченко, быстрым шагом направился в сторону выхода.

Оказавшись на нужном этаже, Юрченко довольно быстро нашел нужную дверь, а через мгновение уже находился в большом, но довольно скромно обставленном кабинете.

Огромный письменный стол с телефонами и селекторной связью. Отдельно стоял совершенно пустой стол для совещаний, мягкие кресла и пока еще, для середины восьмидесятых, довольно редкий японский телевизор «Панасоник». Вот, пожалуй, и вся обстановка, над которой доминировал огромный портрет Генерального секретаря ЦК КПСС.

Хозяин кабинета, невысокого роста, полный, с густой, какой-то пегой шевелюрой, встретил гостя доброжелательной улыбкой. Энергично пожав протянутую руку, он, проявляя вежливость, провел гостя к креслу. Сам сел напротив. Между креслами хозяина и гостя стоял журнальный столик. На нем лежала коричневая кожаная папка.

— Рад вас видеть у себя, в этом скромном кабинете, Олег Игоревич, — улыбаясь, подал наконец голос хозяин кабинета, и, ласково заглядывая гостю в глаза, тихо добавил:

— Я — Вяльцев Иван Петрович, начальник отдела стратегических операций Административного отдела ЦК КПСС. И чтобы у вас, молодой человек, не возникало вопросов по поводу моего, так сказать, профессионального происхождения, сразу на них отвечу — я полковник запаса КГБ. И отнюдь не только на бумаге, имею довольно солидный опыт практической работы.

Слушая его, Юрченко внутренне усмехнулся. Ему, профессионалу, можно было бы об этом и не

говорить. Такую должность, которую занимал Вяльцев, вряд ли могли доверить человеку, имеющему за спиной только высшую партийную или какую-то другую гуманитарную или техническую школу.

— Ну, ладно, — улыбка слетела с лица Вяльцева, — теперь приступим к делу. Кто вы и что вы, расспрашивать не буду. Вы — профессионал, и должны понимать, что прежде чем вас приглашать сюда, пришлось довольно тщательно изучить все этапы вашей жизни. И я не считаю целесообразным предугадать о том, что об услышанном вами здесь никто не должен знать... Речь идет о строго секретной операции по перехвату каравана моджахедов, в котором они намерены переправить в Пакистан наркотик и редкие минералы. Но не это нас интересует. Нас интересует старинный архив с указанием места, где хранятся драгоценности основателя династии Тимуридов — первых правителей Афганистана — Бабур. Архив будет упакован в одном из выюков вместе с небольшим количеством драгоценностей именно из этого клада. Выюк будет находиться на идущем впереди животном. Вот этот караван вы и будете брать.

Увидев недоуменный взгляд Юрченко, Вяльцев усмехнулся:

— Да нет, не беспокойтесь, вы будете не один. Вас будет трое. С остальными двумя вы встретитесь в Афганистане. Уверен, что встретившись с ними, вы не будете разочарованы. После успешного выполнения задания, в чем я не сомневаюсь, о дальнейшей карьере, подполковник, можете не беспокоиться. Партия своих верных солдат не забывает. Ну а теперь приступим к рассмотрению частных дел...

Вяльцев раскрыл лежащую перед ним папку,

достал пакет, который, когда он его развернул, оказался обыкновенной мелкомасштабной картой афганской провинции Кандагар.

Юрченко помог Вальцеву разложить карту на столике.

— Не забыл еще этот район? — переходя на «ты», кивнул Вальцев на карту.

Юрченко хмыкнул и неопределенно повел плечами.

— Вижу, вижу, не забыл, — улыбнулся Вальцев и, резко перейдя на деловой тон, жестко подчеркнул: — А теперь, молодой человек, смотри вот сюда. — Вальцев обвел карандашом приграничный район с Пакистаном. — Здесь и нужно будет ждать этот караван. Учитывая возможную утечку информации, моджахеды могут пустить по ложному следу другой караван, такой же, но без ценного груза.

— Это окончательные сведения? — не выдержал Юрченко, пораженный тем, как легко ориентируется по карте Вальцев.

— Нет. Подробности тебе будут известны на месте. — Вальцев откинулся в кресле и, немного помолчав, продолжил: — У тебя, возможно, возникает вопрос, почему караван необходимо брать именно в этом районе... Так? — Не дожидаясь ответа, пояснил: — Потому что в этом районе будут снаряжаться оба каравана: и наш, и ложный. А вот где? Об этом, к сожалению, наш человек или не знает, или знает, но не может сообщить. Вот такие-то дела, молодой человек, — вздохнул Вальцев и, легко поднявшись с кресла, подошел к окну.

За окном шел мокрый снег. Кто бы знал, как он не любит это время года. Эту мерзкую слякоть, которая всегда вызывала у него большое раздражение.

Чтобы окончательно не испортилось настроение, он резко повернулся, быстрым шагом прошел к столу и сел в кресло.

— И главное, Олег Николаевич, — Вяльцев приподнял правую руку. — На место твою группу доставят на вертолете. Этот вертолет и заберет вас после операции. А за грузом придет другой вертолет. Вот и все, подполковник, — лицо Вяльцева осветила широкая улыбка, которая до неузнаваемости изменила его, превратив из сухаря, в рубаху-парня. — Есть у тебя ко мне вопросы? — продолжая улыбаться, он хитро, как показалось Юрченко, посмотрел на него.

— Да, Иван Петрович, — коротко ответил Юрченко. — Вопросы есть.

— Ну что ж, похвально, похвально, — отозвался, снова поднимаясь из-за стола, Вяльцев. — Было бы странно, если бы у тебя не возникли вопросы. Вот мы сейчас и приступим к их подробному обсуждению. — Вяльцев протянул руку к селектору и нажал одну из кнопок.

Через пару минут в кабинет вошел молодой человек. Хотя он и был в безупречно сшитом гражданском костюме, но его выправка, манеры, указывали, что военная форма является для него все же основной одеждой. Молодой человек принес бутерброды, кофе, печенье, бесшумно разложил их на столике, с которого Вяльцев предусмотрительно убрал карту, и молча удалился.

Обсуждение всех вопросов, связанных с предстоящей операцией, затянулось до позднего вечера.

Перед тем, как расстаться, Вяльцев достал из сейфа небольшой пакет и протянул его Юрченко.

— Здесь новый загранпаспорт с уже проставленной визой, командировочное удостоверение и билет

на самолет. Свой старый загранпаспорт оставь. Он тебе больше не понадобится. Вылет в Кабул завтра. Время вылета проставлено на билете. Машина тебя будет ждать на стоянке. Номер машины найдешь там же, — Вяльцев кивнул на пакет. — И еще... За Ольгу не беспокойся. Ее завтра отвезут на вокзал, прямо к питерскому поезду. И последнее. В Кабуле тебя встретит наш представитель, полковник Мехоншин. Об операции он знает только в общих чертах. Ему дано указание оказывать тебе всяческое содействие.

Появившаяся улыбка, которая едва коснулась губ Вяльцева, поразила Олега. Куда только делся со своей широкой улыбкой рубаха-парень? Сейчас перед Олегом был человек, напоминающий персонаж одного исторического фильма, увиденного им еще в детстве. Точно такая же улыбка была тогда у одного средневекового инквизитора...

У Юрченко давно выработалась профессиональная привычка просыпаться без посторонних механических или электронных раздражителей. Как бы тяжело ни проходил предыдущий день, прежде чем заснуть, Олег всегда давал себе установку проснуться в определенное время.

Вот и в это утро в 6.00 он уже на ногах. С выражением грусти на лице он медленно подошел к постели. Смятые простыни лишь слегка прикрывали раскинувшееся в сладкой истоме уставшее тело Ольги. Он с любовью смотрел на дорогое ему лицо. Осторожно поправив сползшую простыню, он тихонько, на носочках направился к окну, посмотреть, прибыла ли за ним машина.

— Подойди ко мне, — слышался тихий голос Ольги.

Юрченко резко повернулся. Ольга, прикрывшись простыней, сидела на краю кровати. Ее красивые ноги едва касались прикроватного коврика.

— Подойди ко мне, — уже громче повторила она. Ее глаза со сверкавшими слезами с мольбой смотрели на Олега. Схватив руку Юрченко, она в испуге прижала ее к губам.

— Ты знаешь, в последнее время мне становится очень страшно, — едва слышал Олег голос молодой женщины.

— Ну что ты, Оленька, — он встал перед ней на колени, — зачем себя накручивать... Все будет хорошо....

— И ничего не накручиваю, Олежек, — прошептала она, продолжая прижимать к губам его руку. — Просто я уверена, что у нас с тобой будет ребенок... А у меня нехорошее предчувствие.

— Оленька, ну зачем ты так? Поверь. Все будет хорошо... Ты же знаешь, я везучий. — Юрченко нежно поцеловал молодую женщину в губы, поднялся и подошел к окну.

На служебной стоянке гостиницы одиноко стояла черного цвета «Волга» «ГАЗ-24».

Олег быстро вернулся к кровати, прижал Ольгу к груди и, целуя ее мокрое от слез лицо, прошептал:

«Все будет хорошо, не переживай... А сына назовем Сашкой...».

Узнав в подошедшем человеке ожидаемого пассажира, водитель выскочил из машины и предупредительно открыл перед ним дверцу.

— Доброе утро, — поздоровался Олег с водителем, усаживаясь в машину.

Пробормотав что-то невразумительное, водитель

прикрыл за Юрченко дверцу и, обойдя машину спереди, сел на водительское место.

Снег повалил густой стеной. Осторожно выехав на проезжую часть, водитель прибавил скорость. Сплошная завеса снега создавала впечатление, что идущие на малой скорости встречные машины мчатся на огромной скорости.

До «Шереметьево-2» было довольно далеко, и Олег, прикрыв глаза, решил вздремнуть. Однако уснуть не получалось. В голове настойчиво прокручивались события недавних дней. А в глазах стояла плачущая Ольга.

Юрченко пришел в себя от легкого толчка остановившегося автомобиля.

— Приехали, товарищ подполковник, — впервые за все время, что ехали, услышал он голос водителя.

Страхивая охватившее во время езды оцепенение, Олег провел рукой по лицу, надел шляпу, взял дорожную сумку и вышел из машины. Следом вышел водитель.

Юрченко немного постоял, вдыхая полной грудью свежий влажный воздух, затем, прощаясь, дружески тронул плечо стоявшего в ожидании водителя и твердым шагом направился ко входу в зал вылетов, из которого выходил всего лишь несколько дней назад.

На огромном табло уже светились сведения о рейсе на Кабул. Скользя по нему взглядом, Олег не спеша направился в конец зала, где стояли круглые столики с подготовленными бланками чистых таможенных деклараций.

На заполнение декларации ушло минут пять. Проблем с таможенниками и пограничниками не возникло. И вот он в «отстойнике», или, как еще называют эту зону, в малой «загранице».

В «отстойнике» были свои валютные магазины, торгующие довольно редкими спиртными напитками и пользующимися у иностранцев спросом матрешками. Естественно, товар отпускался только за иностранную валюту.

Единственным местом, где еще принимали советские рубли, был бар. Он был очень оригинален. Бар возвышался над залом, и площадка, на которой он располагался, была в виде правильного круга. Подняться туда можно было только по лестнице.

Посетителей было мало. Пассажиры или сидели на обтянутых красной кожей диванчиках, или бесцельно прохаживались по залу.

Юрченко решил подняться в бар. Посетителей было очень мало. Он выбрал свободный столик, который как бы прятался под кроной красивой декоративной пальмы. Только успел расположиться, как рядом появился официант. Олег заказал кофе. Вдруг его внимание привлек поднимающийся в бар молодой, лет тридцати пяти, мужчина. В левой руке его был «дипломат», через согнутую правую, небрежно переброшен светлый плащ.

«Профессионал», — почему-то решил Олег, с интересом рассматривая мужчину. — Ну прямо как с обложки журнала «Солдат удачи».

Рост под метр девяносто, квадратные плечи, словно влитой светло-серый, спортивного покроя костюм. Клин голубой рубашки аккуратно прикрывает безукоризненно повязанный темно-синий в полосочку галстук. Высокий лоб, небольшие залысины, короткая стрижка. Жесткие серые глаза и твердый квадратный подбородок довершали его портрет. Правда, лицо его портил глубокий розоватый шрам, который пересекал его левую щеку.

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРОВИЩА БАБУРА. <i>Повесть</i>	5
АФГАНИСТАН. БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ... <i>Повесть</i> . .	209